

Ван Сюань знал правду, но помалкивал. Всю еду, которую велел припрятать Гоудань, он давно обустроил в своем пространственном кармане. Малыш уже привык, что названный брат добывает добро, а он при нем — верный управляющий. В пространственном кармане Гоуданя вечно царил кавардак: вещи валялись вперемешку, да и некоторые предметы, смахивавшие на оружие, выглядели чересчур грозно. Тот до сих пор не удосужился там прибраться, поэтому и сваливал все заботы по хранению на Ван Сюаня. У А-Сюаня же всё лежало чин чинарем. Он обожал порядок и, если не считать нескольких пузырьков с ядовитыми порошками, ничего опасного у себя не держал.

Деревня вот-вот должна была сойтись в великой битве — битве за осенний урожай. Впрочем, никто не роптал: страда означала, что скоро на столах наконец-то появится сытная еда. Гоудань к тому времени вымахал гораздо выше сверстников и выглядел лет на тринадцать-четырнадцать. В деревне такие парни считались уже за полновесного работника.

Так что в этом году ему тоже предстояло выйти в поле на жатву. Правда, делая скидку на возраст, непосильной работы ему не давали. Старшие рассуждали здраво: надорвется малец на тяжелой работе — и расти перестанет, и спину себе испортит.

Задаром трудиться не заставляли — начисляли рабочие баллы. Выходило небогато, но Ван Сюань всё равно завидовал. Больше всего на свете ему хотелось самому гнуть спину в поле и зарабатывать рабочие баллы, лишь бы не оставаться нахлебником.

Знойное бабье лето, прозванное в народе «осенним тигром», шутить не любило. Мужики, привыкшие пахать до седьмого пота с голым торсом, облезали чуть ли не целиком. Плечи, руки, лица — всё горело, иссушенное солнцем и стертые в кровь грубыми колосьями. Когда по обгоревшей мертвой коже струился едкий пот, тело жгло немилосердно. Хотелось разодрать зудящие места ногтями, но трогать раны было нельзя — оставалось только терпеть, сжав зубы. А куда деваться? Иного пути не знали.

И так изо дня в день, из года в год... На этой суровой земле люди оставляли свое здоровье, пот и лучшие молодые годы. И всё равно жили впроголодь, едва сводя концы с концами.

Гоудань загорел пуще прежнего. Его лицо, уже начавшее терять детскую округлость, стало совсем темным, точно чугунок.

Уборка закончилась, но сушка зерна на сушильном току еще продолжалась, когда ребятам пришла пора возвращаться за парты. Разумеется, и учителя, и ученики явились на занятия черными как головешки. Всё шло по заведенному кругу: к холодам все чернели от солнца, за зиму, отсиживаясь в избах, немного светлели, а по весне принимались за старое. Так продолжалось из года в год, пока старость не лишала кожу способности обновляться, оставляя на ней вечный след тяжелого крестьянского труда до самого гроба.

Гоудань как раз мазал плечи солнцезащитным травяным соком, который для него приготовил Ван Сюань. Отца он тоже заставил натереться этой смесью, буквально прижав к лавке.

— А ведь и правда легчает, — удивленно пробормотал Ли Сы. — Прохлада такая по коже... Из чего ты его сварил?

— Это секретный рецепт А-Сюаня, — отрезал Гоудань. — Он над ним до седьмого пота корпел. Задаром мы этот солнцезащитный травяной сок никому не отдадим, так что не видать им его. И помалкивай, смотри у меня.

Начни продавать или обменивать снадобье — мигом прослывешь спекулянтом, а там и до доноса недалеко. Отдавать даром тоже себе дороже: с некоторыми односельчанами Гоудань принципиально не желал знаться. Обязательно поднимутся пересуды, мол, одним помог, а других обделил. Зачем наживать лишнюю головную боль?

— Лао Сы, да что ж ты молчишь?! — запричитала старуха, утирая сухие глаза концом засаленного платка. — Это же твоя родная сестра! Мы ее растили, ночей не спали... Нешто у тебя сердца нет? Лао Сы, я же мать твоя! Оперился, значит, и родную мать знать не хочешь? Ирод неблагодарный!

— Отец обязан почитать родителей — это сыновний долг, тут спору нет, — тут же влез Гоудань. — Но с какой стати он должен перед теткой пресмыкаться? Тетушка, я ведь правду говорю, а?

Мальчишка без умолку встревал в разговор, перехватывая каждую реплику бабки. Ли Сы же сидел на колченогом табурете чернее тучи, не проронив ни звука.

— Четвертый брат... — тихонько позвала Ли Цимэй.

Молодой девушке не пристало закатывать сцены и кричать во все горло, поэтому она лишь робко жалась к матери.

— Хоть братом зови, хоть сватом — толку чуть, — отрезал Гоудань. — У нас в доме шаром покати, одни ребра изголодавшиеся светятся. Зато в главном доме старший дядя со средними братьями сытно едят да сладко пьют. Вот пускай они кошельки и трясут, раз пришло время раскошиться! Тетушка, если бы бабка тебя по-настоящему любила, она бы тебя к нам, нищим, выпрашивать приданное не потащила. Сама ведь видишь, какая у нас тут разруха.

— Да и к тому же, жених ведь наверняка выкуп за тебя прислал, верно? Что-то я не припомню, чтобы нам хоть горсть зерна из тех богатств перепала. Как делить добро — так нас не зовут, а как приданое справлять — бегут к бедному родственнику! Похоже, старший дядя со своими сыновьями весь выкуп сожрали, а тратиться на твои сундуки теперь жаба душит? Ну и подлость! Отдали бы тебе те деньги целиком на обустройство хозяйства — и дело с концом. Зачем порог нашей нищей лачуги обивать?

Каждое слово Гоуданя било не в бровь, а в глаз. Выходило, что и родная мать девку предала, и старшие братья — нахлебники да эгоисты. Как за стол садиться — они первые, а как дело коснулось помощи — сразу в кусты. Все ее многолетние старания угодить семейке пошли

прахом.

Ли Цимэй несмело подняла взгляд на племянника. Особой любви она к нему никогда не питала. Пока они жили под одной крышей, она к нему и пальцем не прикоснулась — Гоудань тогда рос чумазым, вечно копался в грязи и тащил в рот всякую гадость. Мать его терпеть не могла, ну и дочь за ней тянулась, предпочитая нянчить чистеньких, упитанных близнецов Цзиньбао и Иньбао.

А теперь этот замарашка вырос, ошетинился иглами, и обвести его вокруг пальца стало невозможно. Ни капли сходства со смирными родителями! Он перерос своих двоюродных братьев и держался на удивление уверенно.

— Да как у тебя язык поворачивается такое городить! — вспыхнула старая госпожа Ли. — Это твоя родная тетка!

— Не знаю я никаких теток, — фыркнул мальчик. — Она Цзиньбао и Иньбао тетка, им и кланяйтесь. А у меня родственников, кроме отца, не водится.

— А ну помалкивай, щенок! — бабка стукнула кулаком по столу и уставилась на притихшего сына. — Слушай меня, Ли Сы! Если не поможешь сестре собраться к свадьбе, я отсюда ни шагу не сделаю. Так и останусь здесь сидеть!

Гоудань с удивлением воззрился на старуху. Раньше она при любой обиде принималась истошно голосить, призывать громы на их головы и крыть матом на чем свет стоит. С чего бы это она сегодня заговорила столь сдержанно?

«Ишь, упрямиться вздумала? — усмехнулся про себя Гоудань. — Ну давай, посмотрим, кто первый сдастся»

Он снял с гвоздя старую соломенную шляпу, нахлобучил ее отцу на голову и принялся настойчиво выталкивать его за дверь, на работу.

— Гоудань, послушай, может... — замялся было Ли Сы.

— Даже не думай! — отрезал сын. — Всё имущество при разделе досталось старшему дяде да остальным братьям. Пускай у них голова и болит. А у нас долги перед бригадой за прошлый год не выплачены. Иди давай, работа сама себя не сделает! Быстрее, быстрее!

Ли Сы порывался предложить отдать бабке хотя бы немного вяленого мяса, но стоило Гоуданю грозно зыркнуть на него, как у отца язык прилип к гортани. Сын усердно трудился, добывая еду, а он, родной отец, собрался раздавать эти крохи ненавистным родственникам из старого дома? Стыдно стало.

Гоудань выпроводил отца за калитку с такой решимостью и недетской силой, что Ли Сы оставалось лишь безропотно подчиниться. Старая госпожа Ли только ртом воздух заглотила, лишившись дара речи, а тетка и вовсе растерялась. Сила у мальчишки была недюжинная — если он чего задумывал, спорить с ним было бесполезно.

Оставшись в хате, старуха перевела тяжелый взгляд на тихо сидевшего в углу Ван Сюаня и злобно процедила:

— Выродок безотцовский!

Ван Сюань промолчал, даже бровью не повел. Малыш лишь поднял глаза и встретился взглядом с бабкой, которая смотрела на него хищно, выпучив свои желтоватые, точно у старого коршуна, бельма. Губы А-Сюаня дрогнули, но он сдержался. Едва Гоудань переступил порог, вернувшись с улицы, Ван Сюань обиженно пожаловался:

— Твоя бабка обозвала меня выродком.

— Не обращай внимания, — отмахнулся Гоудань. — Я ей родной внук, а она меня точно так же каждый день честит. Пошли отсюда, пусть сидят тут сколько влезет, а мы гулять пойдем.

Перед уходом Гоудань шепнул А-Сюаню, чтобы тот спрятал в свой пространственный карман весь дневной запас вареного зерна из котелка. Туда же отправились и остатки вяленого мяса, свисавшие с потолочной балки. На дверь крошечного чулана Гоудань повесил тяжелый медный замок, щелкнув дужкой. На остальной хлам ему было плевать — не станет же старуха разносить избу по бревнам.

Старая госпожа Ли воочию наблюдала, как вслед за сыном из дома убрались и мальчишки. В ветхой халупе, из которой сбежали бы даже бродячие собаки, воцарилась мертвая, гнетущая тишина. Мать и дочь остались сидеть вдвоем среди убогих, голых стен.

<http://bllate.org/book/19654/1996723>